

рушки. Конечно, были споры, драки бывали, но не до кровопролития, никто никого не душил. Вадим всегда воспринимался более серьезным, а я был дерзким, хулиганом. И при этом любые его проступки в школе – разбитое стекло, двойка – брал на себя. А однажды мы купались на реке, и у Вадима, не знаю, как уж это случилось, украли плавки. (Смеется) Пришлось мне отдать ему свои, и я почесал абсолютно ну до дачи. Я всегда был готов сделать все для него. Но, к сожалению, мы не близнецы, поэтому не могу во всем его заменить. А так с удовольствием бы.

– Как тусовщик Игорь Верник просыпается рано утром, чтобы вести программу «Доброе утро» на «Первом канале»?

– Ну, на тусовках я редко бываю. А встаю нормально. Когда поднимаешься с постели, разлепляешь глаза, вообще ничего не замечаешь. Потом в дороге ничего так, оживаешь. А вообще не знаю, стоит ли разоблачать утренний эфир... Программа же идет в записи. Она снимается с десяти до часу ночи и идет на орбиты. Если бы эфир шел в шесть утра, регионы видели бы программу часов в двенадцать дня. Так что я, наоборот, ложусь очень поздно. А поскольку это раз в неделю, пережить можно.

– Что для вас сейчас самое важное в жизни?

– У меня нет ответа на этот вопрос. Думаю, в тот момент, когда я бы определил: вот это для меня сейчас самое главное, жизнь превратилась бы в бессмыслицу. Я никогда не мог сказать себе: «Вот это – и более ничего». Театр – монастырь, в котором я служу коленопреклоненно. Сажу в нем целыми днями... И при этом работаю в кино, на телевидении, которое очень люблю. Или, предположим, я решил бы: вот моя семья, я теперь обрел любимого человека, у меня сын – и все. Да зачем? Самое главное – это просто чтобы здоровы были родные, друзья. (Задумчиво) Есть у меня секрет: я сейчас пишу диск своих песен, и это, может быть, самое главное. Ну, да не хочу об этом. И вообще, вот именно сейчас, с семи до десяти вечера, самое главное в моей жизни – это чтобы прошел спектакль. Я не знаю, счастливый я человек или обделенный... Ай, ладно, это серьезный разговор – не хочу.

Мне, кстати, сейчас на сцену бежать. Предлагаю потом договорить, – Верник вскакивает со стула и начинает судорожно носиться по гримерке, сметая все на своем пути. Стягивая свитер, включает бритву. Бреясь, нервно поглядывает на костюм.

– Может, вас бреющим снять? – робко предлагаю я.

– Вот когда «Жилет» даст денег – тогда и снимем! – Игорь улыбается своей очаровательной улыбкой, напоминая худого вальяжного чеширского кота. – Кстати, вы посмотрите на меня?

Мы киваем и идем за кулисы. Минуты через две на сцену выскакивает Игорь – побритый, в льняном костюме, развеселый и жутко довольный собой. Он играет Баскина в «Новом американце» по Довлатову – оборотистого типа, умеющего, пожалуй, только пить, да стрелять денег взаймы. Получается у него очень правдоподобно.

Минут через пятнадцать возвращаемся в гримерку. Верник преобразается до неузнаваемости: если до выступления он цедил слова и думал о чем-то своем, то сейчас готов болтать сколько угодно. Похоже, где-то внутри сидит еще пьяный Баскин.

Поправляя взлохмаченную прическу, он равнодушно спрашивает, делая вид, что ответ его не волнует: «Ну и как я вам?» – «Класс». Верник заметно оживляется, отвлекается от своего отражения в зеркале, садится на стул, фирменно улыбается и победоносно замечает:

– Вот! А вы все про личную жизнь, да про личную жизнь! Никому не интересен Верник как творческая единица!

– Ладно, творческая единица, вот могли бы вы отказаться от всего ради высокой цели – допустим, изобретения или проекта?

– Как Диоген – засесть в бочке и не высываться оттуда? Вряд ли.

– Но неужели театр совместим с такой вот жизнью шоумена?

– Ну да, «служенье муз не терпит суеты». Знаете, суетиться – это по чуть-чуть, нахрапом брать отовсюду. У меня не так. Когда я в театре, для меня нет другого мира. Когда на телевидении – я погружен в него. Снимаюсь один день – и этот день я целиком исключен из жизни. Я полигамен, в жизни много красок, и я не хочу ими пренебрегать. Хорошо, что моя профессия нашла меня. Я кайфую на сцене. Не знаю, почувствовали вы это или нет, но и зритель кайфует вместе с артистами. Вот мы троим сейчас с таким удовольствием играем, столько импровизаций появилось в спектакле. Поразительное ощущение: ты держишь всех одной рукой, и при этом ты – другой человек. Но жизнь же не сосредоточена на одном театре...

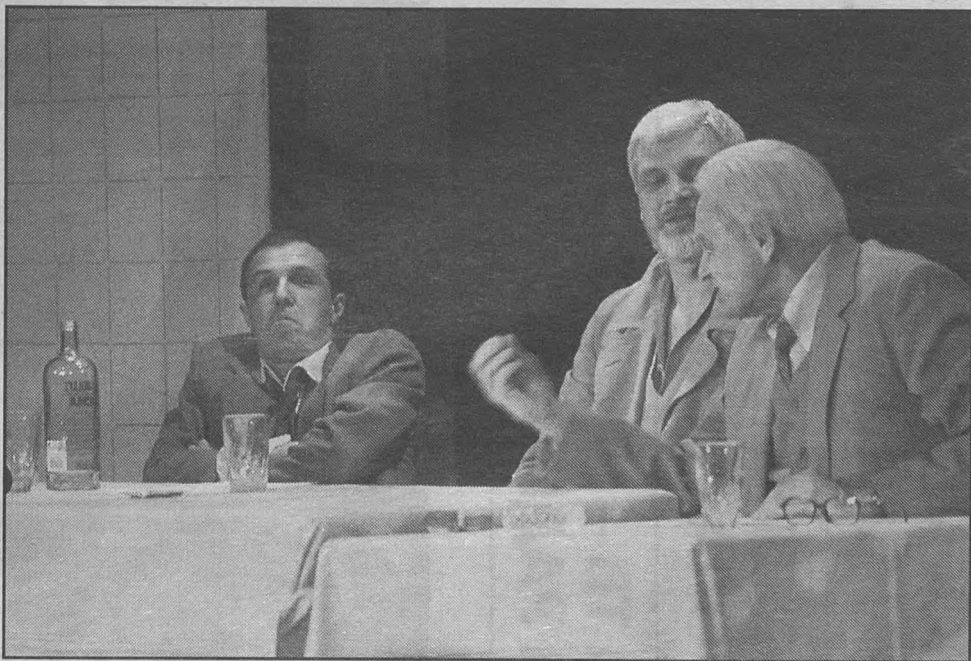
– Из всех сфер, где вы работаете, в какой вы наиболее успешны, как думаете?

– Я думаю, что я очень сильный шоумен. Очень. Это не значит, что я всегда раскованный и уверенный в себе. Недавно с Машей Ароновой вели премию «Кумир», стоим за кулисами: она – потрясающая актриса, я миллион раз на сцену выходил. И все равно дрожим: «Черт, ну что это такое, почему нервничаем?!». Делаешь шаг на сцену – и как рукой снимает любую панику.

– Несколько лет назад вам вручили премию «Фитнес-сачок» как человеку, обладающему карточкой спортивного комплекса, но посетившему его лишь пару раз, и то чтобы пообщаться в баре. Спортom пренебрегаете?

– (Улыбается) Это точно. Я почетный член World Class и ни разу не пересек порог этого клуба, к сожалению. Хотя люблю заниматься, но не получается. Статуетка стоит дома. На следующий год, кстати, Дибров в той же номинации выиграл.

Важно чувствовать, что эта жизнь имеет к тебе отношение. Что ты имеешь некое право. Как бывает: ударило током – и начинаешь писать гениальные картины. Вот надо чтобы так долбануло. А если долго не долбаёт – то надо найти столб и приложиться

В спектакле «Новый американец».

– Фирменный рецепт улыбки Игоря Верника?

– Утром встать, умыться и подумать о том, что в течение дня будет много вещей, которые нужно сделать, но самое главное – есть куча вещей, которых ты еще не знаешь, многое, возможно, ожидает тебя впереди. Я улыбаюсь, когда мне интересно, когда мне хорошо.

– Вообще сложно быть таким обаяшкой?

– (С выражением) Очень! Понимаете, характер – это судьба. Все зависит от того, как ты смотришь на свою жизнь и от того, какой ты. Поместите двух разных людей в одни и те же обстоятельства – и они проживут два разных дня. Две разных жизни. Нельзя сидеть и ждать чего-то. Есть блюдечко с голубой каемочкой – не одно и не два, и не только с голубой, а еще и с красной. Надо просто его найти. Или самому сделать... Важно чувствовать, что эта жизнь имеет к тебе отношение. Что ты имеешь некое право. Как бывает: ударило током – и начинаешь писать гениальные картины. Вот надо чтобы так долбануло. А если долго не долбаёт – то надо найти столб и приложиться.

– О чем мечтаете?

– Мечтаю я выспаться. Мечтаю взять всю свою семью – родителей, брата, жену и сына – и устроить для них праздник, предвосхищать каждое их желание и видеть, что они счастливы.

– У вас много поклонниц?

– (Шепотом, дурачась) Много! Пишут письма, встречаются в театре и на телевидении. Меня сложно поймать, потому что во МХАТ я приезжаю на машине, но все равно иногда поджидают. Приятно! Правда, я больше люблю нравиться женщинам. Когда мужчины хвалят, тоже, конечно, приятно – коллеги оценили типа. Но вот слабый пол... А для чего мы еще работаем? Вообще здорово было бы посчитать моих поклонниц (вдохновившись)!

– Вы играли в фильме «8,5 долларов». Как вам такая молодежная компания актеров?

– Это моя компания, мои друзья по жизни. Федя Бондарчук, Гоша Куценко, Гриша Константинопольский. Гошку я вообще в свое время привел на телевидение. Я делал программу «Партийная зона», и нужен был ведущий. Помогал ему, подсказывал.

– Как думаете, вы все – какое-то особое поколение, которое может что-то новое сказать этому миру, или просто компания людей, преуспевших в жизни?

– Ну, мы, знаете, счастливое поколение, потому что нам повезло жить и быть молодыми в тот момент, когда изменилось общество. Мы были в эпицентре событий, все это прошло через наши души, перевернулось, перемешалось. Немногие выдержали и сохранили себя. И очень здорово, что каждый из нас отдельно и вместе с другими к чему-то пришел, что-то значит. Здорово, когда встречаемся, по-хорошему завидуем друг другу, знаем: мы чего-то стоим.

Встречалась
Ника ДРАБКИНА